

Библиотека драматургии
Агентства ФТМ, Лтд.

**Евгений
Шварц**

Приключения
Гогенштауфена

Евгений Шварц

Приключения Гогенштауфена

«ФТМ»

Шварц Е. Л.

Приключения Гогенштауфена / Е. Л. Шварц — «ФТМ»,
— (Библиотека драматургии Агентства ФТМ)

В этой пьесе Евгений Шварц в своей виртуозной манере смешивает сказку и реальность. Гогенштауфен – успешный экономист. Дни и ночи он корпит над своим проектом, который очень важен для всего учреждения. Но, как бывает с успешными людьми, у него есть враги и завистники. Прежде всего Упырёва – управделами. Она замыслила расстроить все его планы, поссорив Гогенштауфена с возлюбленной – Марусей Покровской, счетоводом учреждения. На поверку оказывается, что Упырёва – злая волшебница, а Кофейкина, работавшая уборщицей – добрая. Их вечное противостояние теперь разворачивается здесь, вокруг пары влюблённых, которых надо спасти, и экономического проекта, который должен быть завершён.

© Шварц Е. Л.
© ФТМ

Содержание

Действующие лица	5
Действие первое	6
Картина первая	6
Картина вторая	10
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Евгений Шварц

Приключения Гогенштауфена

Действующие лица

Гогенштауфен – экономист.
Упырева – управделами.
Маруся Покровская – счетовод.
Кофейкина – уборщица.
Бойбабченко – домашняя хозяйка.
Арбенин – юрисконсульт.
Журочкин – бухгалтер.
Брючкина – зав. машинописным бюро.
Юрий Дамкин – зав. снабжением.
Фавн – статуя.
Заведующий.
Сердитый молодой человек.
Рабочий.
Пожарный.
Милиционер.
Толпа.
Горцы на конях.

Действие первое

Картина первая

Скверик около учреждения. Вечер. Старуха-уборщица, по фамилии Кофейкина, дремлет в скверике. К ней быстро подходит другая старуха – Бойбабченко.

Бойбабченко. Слушай, Кофейкина, я к тебе... Это дело надо прекратить!

Кофейкина. Какое дело?

Бойбабченко. Ты меня знаешь! Я – старуха отчаянная, я – старуха добрая. Когда мне кого-нибудь жалко, я могу человека убить. Я такое могу поднять, что по газетам шум пойдет. Недопустимое это дело! Ведь уже одиннадцатый час!

Кофейкина. Ты о чем говоришь?

Бойбабченко. Конечно, о Гогенштауфене. Лицо его беспардонное, простое, каждому понятное. Каждый видит, что можно его нагрузить до отказа. Взгляни сама, оглянись! Разве это не ужасная картина? Во всем учреждении погас свет, только одно окно горит, его окно, Гогенштауфена. Сидит, крутит арифмометр за ручку...

Кофейкина. И песни поет.

Бойбабченко. Что?

Кофейкина. И песни поет. Он всегда, когда в одиночестве работает, напевает на мотив Буденного все, что в голову придет... Веселый экономист...

Бойбабченко. И ты про это так спокойно говоришь? Оставили человека одного на все учреждение, работы на него навалили, сами гуляют, сами пируют – а он мучайся?

Кофейкина. Он не мучается.

Бойбабченко. Не морочь мне голову! Человек он молодой, нежный, погода хорошая, девушка у него, Маруся Покровская, такая, что даже я, старуха, и то в форточку люблюсь, когда она через садик домой идет, милая. А ты мне говоришь, что он не мучается! Врешь, мучается! Врешь, хочет уйти! Врешь, беспокоится за девушку. Где, мол, она в такую погоду? Не гуляет ли?

Кофейкина. Постой, мать.

Бойбабченко. Не буду стоять! Я все ваше учреждение лучше тебя знаю, хоть ты в нем уборщица, а я домохозяйка и не служащая. Ведь мои окна против ваших. У меня стекла чистые, у вас стекла чистые. Я по хозяйству бегаю, а с вас глаз не свожу. Я все вижу, всех понимаю. Кто что делает, мне все понятно. Я ведь за вашей работой еще и по всем газетам слежу. Сколько я с вашим планом намучилась. Ночи не сплю, бывало. Ах, думаю, доведут ли они план до каждого сотрудника! Мобилизуют ли общественность!

Кофейкина. Погоди.

Бойбабченко. Не могу. Человек мучается, товарищ Гогенштауфен, любимый мой сотрудник, а она сидит у двери, на звезды глядит. Ступай хоть чаю ему приготовь!

Кофейкина. Послушай меня...

Бойбабченко. Не в силах я этим заниматься. Добрая я! Тут не слушать надо, а помочь.

Кофейкина. Ладно, поможем.

Бойбабченко. Ну, то-то. Керосинка то у вас есть?

Кофейкина. Зачем?

Бойбабченко. Чаю взгреть. А нету, так я мигом домой...

Кофейкина. Тут чай не нужен...

Бойбабченко. То есть как? Человек там измучился!

Кофейкина. Дай мне сказать в свою очередь. Гогенштауфен – человек редкий. Он работает, но не мучается.

Бойбабченко. Откуда ты это знаешь?

Кофейкина. Значит, знаю. Он работает любя. Ему интересно. Делает он такой проект, который все наше учреждение по-новому повернет и так оживит, что каждый охнет, удивится и скажет: как верно придумано, давно пора! Заведующий перед отпуском лично сказал коменданту: Гогенштауфен, говорит, талант, говорит. Ему от работы мученья нет. Другая беда ему грозит.

Бойбабченко. Беда?

Кофейкина. Она самая.

Бойбабченко. Откуда?

Кофейкина. Упыреву нашу знаешь?

Бойбабченко. Управделами?

Кофейкина. Да.

Бойбабченко. Как не знать! Хоть и не так давно она у вас, однако я заметила. Красивая она, но лицо у нее все же грубое, отрицательное. Идет мимо и так глядит, будто я не человек, а она высшее начальство.

Кофейкина. Эта самая. От нее я и жду всяких бед Гогенштауфену.

Бойбабченко. Склока?

Кофейкина. Вроде. Не знаю – сказать тебе, не знаю – нет.

Бойбабченко. Скажи!

Кофейкина. Не знаю, поймешь ты, а вдруг и не поймешь!

Бойбабченко. Пойму!

Кофейкина. Хватит ли у тебя сознания.

Бойбабченко. У меня-то? Да что ты, матушка? Да мы, новые старухи, – самый, быть может, сознательный элемент!

Кофейкина. Ох, не знаю! Так ли?

Бойбабченко. Да что ты, родная, я тебе доказать могу. Почитай газеты, возьми цифры, если мне не веришь. Цифры не соврут. Что есть высшая несознательность? Хулиганство. А за хулиганство сколько старух судилось? Ни одной! За разгильдяйство сколько? Нуль. За бытовое разложение? Ни единой. Да что там, возьми такую мелочь, как прыганье с трамваев на ходу, – мы, старухи, даже этого себе не позволяем. Мы сознательные!

Кофейкина. Так то оно так...

Бойбабченко. Не спорь! Я все обдумала. Я даже собираюсь в красном уголке прочесть: «Новый быт и новая старуха». Вот. Я, милая, когда готовлю, мету, шью, у меня только руки заняты, а голова свободна. Я думаю, думаю, обобщаю в тишине, в пустой квартире. Мысли, понятия... Не спорь! Объясни, в чем дело с Упыревой! Я мигом разберусь! Предпримем шаги! Ну? Говори!

Кофейкина. Ох... смотри! Объяснить я объясню, дело простое, но только, чур, не отступать!

Бойбабченко. Я? Да я перед львом не отступлю, не то что перед управделами. Объясняй, в чем дело!

Кофейкина. Ну, слушай. Время сейчас опасное, летнее. Лучшие люди в отпуску. Заведующий в горах. Секретарь в командировке. Тишина в учреждении, а она в тишине и проявляется.

Бойбабченко. Упырева?

Кофейкина. Она. Она, брат, мертвый класс.

Бойбабченко. Какой?

Кофейкина. Мертвый. А Гогенштауфен – живой. Понятно?

Бойбабченко. Конкретно говори.

Кофейкина. Мертвый она класс! Не страшен мертвый на столе, а страшен мертвый за столом. Понятно? Мертвый человек лежит, а мертвый класс сидит, злобствует. Она в кабинете – как мертвый за столом.

Бойбабченко. Убрать!

Кофейкина. Она у нас недавно – как уберешь?

Бойбабченко. Общественность, местком, стенгазета!

Кофейкина. Летом? А кроме того, она исподтишка, из-под колоды человека сил всяких лишает. Она по бытовой линии человека губит. Теперь вникай! Теперь слушай, что она задумала! Она задумала Гогенштауфена с Марусей Покровской разлучить!

Бойбабченко. Да неужто!

Кофейкина. Факт. Гогенштауфен сейчас нежный, счастливый, его по этой линии убить – легче легкого. Расстроится, с проектом опоздает, и выйдет все, как ей надо! Повредит она человеку в любви, а пострадает учреждение! Ох, она ехидная, ох, она хитрая, ох, она злобная!

Бойбабченко. Идем!

Кофейкина. Куда?

Бойбабченко. Наверх.

Кофейкина. Зачем?

Бойбабченко. Глаза открывать.

Кофейкина. Какие глаза?

Бойбабченко. Гогенштауфену глаза. Пусть знает! Пусть приготовится!

Кофейкина. Да что он может! Заведующий в отъезде. Будь заведующий – тогда сразу все прояснилось бы. Он ведь вроде как бы гений. А Гогенштауфен – где ему!

Бойбабченко. Идем наверх – я проясню!

Кофейкина. Как именно?

Бойбабченко. Все ему выложу, бедному Гогенштауфену. Так и так, Упырева желает вас с девушкой разлучить, чтобы вы ослабели и худо работали. Она такая вредительница, что прямо жутко!

Кофейкина. А он тебе на это вежливо: ох, да ах, Вот как, а про себя – какая сплетница-баба! Ненормальная!

Бойбабченко. А я ему скажу: она классовый враг!

Кофейкина. А он тебе деликатно: да ну! Да неужто! А сам про себя: какая пошлая старуха. Спецеедка.

Бойбабченко. Давай анкету Упыревой достанем и докажем ему все, как на ладошке!

Кофейкина. Эх, ты, неопытная. У настоящего классового врага анкета всегда аккуратная! Нет, ничего ты не можешь.

Бойбабченко. Я не могу?

Кофейкина. Ты.

Бойбабченко. Я?

Кофейкина. Ты.

Бойбабченко. Не знаешь ты меня! Я всегда найду путь, как за правду постоять!

Кофейкина. Всегда ли?

Бойбабченко. Всегда. Если трудно – обходным путем пойду. Вот мои соседи, например, кошку обижали. Котят топили. Кошка орет, а они топят. Прямым путем, уговором их не взять. Хохочут звери над животным. Легко ли это выносить при моей доброте? Пошла я в жакт и заявила, что соседи мои в квартире белье стирают. Ахнули соседи, пострадали и смягчились. Боятся теперь против меня идти. Во мне, мать, энергия с возрастом растет.

В двадцать лет я хороша была, а в шестьдесят – втрое. Не знаю, что дальше будет, а пока я молодец!

Кофейкина. Это мне известно. Поэтому с тобой и договариваюсь. Поэтому посвящаю тебя во все дела. Она готова напасть, я готова отразить, и все прекрасно.

Бойбабченко. Ничего прекрасного не вижу. Торчишь у дверей и все. В чем же твоя готовность? Чего ты ждешь?

Кофейкина (*просто*). А жду я, матушка, пока пробьет полночь.

Бойбабченко. Чего?

Кофейкина. Двенадцать часов жду. Поняла?

Бойбабченко. Зачем?

Кофейкина. Ты энергична, но против моей энергии твоя энергия ничего не стоит. Слушай меня. Давай сюда ухо. (*Шепчет что-то на ухо Бойбабченко.*)

Бойбабченко. Ах!

Кофейкина. Не ахай! (*Шепчет.*)

Бойбабченко. Ох!

Кофейкина. Не охай. (*Шепчет.*)

Бойбабченко. Ух!

Кофейкина. Не ухай. (*Шепчет.*)

Бойбабченко. Что ты мне сказки рассказываешь!

Кофейкина. А что плохого в сказке?

Бойбабченко. И все так, как ты говоришь?

Кофейкина. Все.

Бойбабченко. Но это форменная сказка.

Кофейкина. Ну, и что же с того? Весело, отчетливо. Она подлостью, а мы...

Вспыхивает на секунду яркий свет.

Бойбабченко. Что это?

Кофейкина. Не дрожи! Это трамвай по проволоке дугой ударил. Еще ведь нет двенадцати. Эх, мать! Оставь хозяйство! Идем за мной! Я простая, я легкая. В два да ликвидируем врага, и каким путем – небывалым путем! Идешь?

Бойбабченко. Подумаю.

Кофейкина. Скорее! До двенадцати надо решить! Решай! А если решишь, –

Энергия плюс чудо, минус разум,
И мы с управделами сладим разом.

Картина вторая

Комната в учреждении. Ночь. Гогенштауфен работает за столом.

Гогенштауфен. Который час? Без четверти двенадцать... Так. Мне осталось всего на пятнадцать минут работы. Хорошо! Через полчаса дома буду – отлично! Где арифмометр? Вот он – замечательно! (*Поет на мотив Буденного, вставляя слова кое-как, растягивая слоги, делая неверные ударения.*) Мы – красная кавалерия, и про нас, четырежды пятна-а-а-адцать шесть! Дес! сять! Да два в уме, да два в уме, товарищ Гогенштауфен, бы-лин-ники речистые ведут рассказ. (*Говорит.*) Так и запишем. Пиши, Пантелей Гогенштауфен. (*Опрокидывает чернильницу.*) Замечательно! Это что же такое? Все залил! Все! До чего мне надоели эти мелкие несчастья – уму непостижимо. (*Поет.*) Вчера, садясь в трамвай, калошу потерял, потом старушке злобной вдруг на платье наступил, потом я подавился ко-ко-косточкой, а ночью, идиот, пролил чернильницу! Хотел пойти домой, поесть как следует и лечь, а вместо этого...

Звонок телефона.

Ага! Алло! Да, я! Конечно, как же я могу не узнать голоса квартирной хозяйки? Нет, не скоро, увы. Что? Пропал мой ужин? Куда? Почему? Да, я открыл окно уходя. А комнату запер. Кошка в окно влезла? Жрет мои котлеты? Крикните ей «брысь». Что? Кричали? Не слышит? Глухая, ангорская? Интересно. Ну, черт с ней. Что? Кто приходил? Маруся Покровская? Что срочно передать? Громче говорите! А? Чего вы щелкаете? Кто? А? Группа «А»! Полное молчание. Аппарат испортился, будь ты трижды рыжий. Ну, и ладно. (*Поет.*) Приду домой, а лопать нет ничего, ангорская кошечка слопала все-е! Маруся приходила, не узнать до завтра почему, са-а-мая прекрасная де-вушка! (*Переставляет лампочку. Лампочка гаснет. Полная тьма. Гогенштауфен встает, ищет выключатель. Поет крайне уныло.*) Ах, будь ты трижды ры-ыжий, ах, будь ты трижды рыжий, ах, будь ты трижды ры-ы-ыжий, ах, будь ты. (*С грохотом натывается на что-то.*) Найди тут выключатель! Где я? Ничего не понимаю. Темнота и больше ничего. Фу-ты, даже как-то неприятно. Как будто я не у себя в учреждении, а...

На секунду вспыхивает яркий зеленый свет.

Здравствуйтесь – а это что такое? Что за свет? Честное слово – или это от усталости, но только я не узнаю комнаты. Куда бежать? (*Бежит, с грохотом натывается на что-то.*) А это что? Здесь ничего такого большого, холодного, гладкого не стояло!

Снова на секунду вспыхивает свет.

Опять!

Музыка.

Кто это играет?

Часы бьют двенадцать.

Кто это звонит?

От стены отделяется белая фигура.

Кто там ходит?

Голос. Я.

Гогенштауфен. Кто я?

Голос. Это мы, мы!

Гогенштауфен (*в ужасе*). Какие мымы?

Зажигается свет. У выключателя Кофейкина и Бойбабченко.

Гогенштауфен (*падает в кресло, вытирает лоб платком*). Здравствуйтесь, товарищ Кофейкина.

Кофейкина. Здравствуйтесь.

Гогенштауфен. Что тут за ерунда делалась? А? Скажите! Что за свет вспыхивал?

Кофейкина. А это, товарищ Гогенштауфен, трамвай по проволоке дугой бил. Возле нас поворот.

Гогенштауфен. Действительно... А что за музыка играла? Что за звон звонил?

Кофейкина. А это, товарищ Гогенштауфен, часы. Музыка потому играла, что часы двенадцать били. Такой у них под циферблатом музыкальный механизм.

Гогенштауфен. Позвольте, а днем в двенадцать они почему не играют?

Кофейкина. Играют и днем, товарищ Гогенштауфен. Но только у вас в двенадцать перерыв на завтрак, вы в этой комнате не бываете.

Гогенштауфен. Верно. Значит, все просто?

Кофейкина. Вполне. Позвольте вас, товарищ Гогенштауфен, познакомить. Подруга моя, соседка нашего учреждения, товарищ Бойбабченко. Домохозяйка. Очень она любит наше учреждение.

Бойбабченко. А в особенности – вас.

Гогенштауфен. Меня?

Гогенштауфен. За что же, собственно?

Бойбабченко. Жаль мне вас, товарищ Гогенштауфен, ох как жаль!

Гогенштауфен. Виноват?

Кофейкина. Жалеем мы вас, она говорит. И правильно говорит. И нет в этом ничего для вас обидного! Простите, прибрать надо. (*Метет.*)

Гогенштауфен. Я не обижаюсь! Я только не понимаю – за что меня это... любить. И того... как его... Вы того... Простите, я когда... теряюсь... нескладно говорю. Это... Почему жалко?

Кофейкина. Потому что вы художник, прямо сказать.

Гогенштауфен. Я простой экономист!

Кофейкина. Экономист, да не простой. Знаю я, что вы за проект готовите.

Гогенштауфен. Это... того... нескладно говоря... Проект... наш план... того... Усилить. А, будь ты трижды рыжий! О чем говорим мы, в конце концов? Что за странности со всех сторон? Ну, знаете вы мой проект – так чего же вам жалеть меня?

Бойбабченко. А конечно, жалко! Сидели мы с ней в темноте, слушали вашу песню, и сердце у меня дрожало.

Гогенштауфен. Сердце?

Бойбабченко. Дрожало, родной. Так я плакала! Ты пел хорошо, жалостно!

Гогенштауфен. Я плохо пою.

Бойбабченко. Нешто мы формалистки? Нам форма – тьфу. Нам содержание твоей песни всю душу истерзало! (*Поет.*) Четырежды пятнадцать шесть! Дес! сять! (*Всхлипывает.*) Поет, бедный. Поет и не знает ничего! Не знает...

Гогенштауфен. Что не знает?

Кофейкина. Тебе грозит беда!

Гогенштауфен. Какая?

Кофейкина. Страшная.

Часы снова бьют двенадцать. Музыка.

Гогенштауфен. Почему часы опять играют?

Кофейкина (*бросила мести. Метла метет сама собой. Пауза*). А уж такой у них, товарищ Гогенштауфен, музыкальный механизм под циферблатом. Как двенадцать – играют, бьют!

Гогенштауфен. Так ведь было уже двенадцать, было!

Кофейкина. Они, товарищ Гогенштауфен, спешат. Фактически, астрономически, то есть по звездам, двенадцать часов исполнилось только сей миг. Вот и заиграла музыка, звон зазвонил!

Гогенштауфен. Ничего не понимаю!

Кофейкина. Это не важно! Ты одно пойми: грозит тебе беда. *(Снова хватает метлу, с ожесточением метет.)*

Гогенштауфен. Этого... того...

Кофейкина. Враг твой – беспощадный. У него мертвая хватка. Ты человек живой – этого она тебе ни в Жизнь не простит. Но ты не бойся! Веселый будет бой. Мы за тебя.

Гогенштауфен. Да кто вы?

Кофейкина *(показывает на Бойбабченко)*. Она старуха живая, до жизни жадная, увертливая, с врагом смелая, а я... это...

Гогенштауфен. Ну? Что же вы это... а? Товарищ Кофейкина?

Кофейкина. А я, извините, товарищ Гогенштауфен, я, товарищ Гогенштауфен, – волшебница.

Удар грома, молния. В часах сильный звон. Свет в комнате делается значительно ярче. Загорается перегоревшая настольная лампа. Пишущие машинки звонят, стучат. Арифмометры вертятся сами собой, подпрыгивают высоко над столами и мягко опускаются обратно. В углу с грохотом раскрылось и закрылось бюро. Кариатиды – бородатые великаны, поддерживающие потолок, – осветились изнутри.

Гогенштауфен. Что это делается кругом?

Кофейкина. А это из-за меня, товарищ Гогенштауфен. У меня энергии масса. Все кругом прямо оживает. Волшебница ведь я, извините.

Бойбабченко. Волшебница. Понимаешь? В смысле – ведьма. И не подумай, товарищ Гогенштауфен, что в смысле характера или там наружности она ведьма. Нет. Она полная ведьма! На сто процентов! Я с ней весь вечер сегодня объяснялась – все поняла!

Гогенштауфен. Но волшебниц на свете не бывает, слышите вы, безумные, – не бывает!

Кофейкина. Вообще, действительно, не бывает, но одна всегда была и есть. Это я.

Гогенштауфен. А это все равно, что и нету! Сколько миллиардов людей жило, живет и еще будет жить – против этого страшного числа одна единственная ведьма все равно, что ничего. Считаю, что вообще, действительно, их нету.

Кофейкина. Но только в данном частном случае – вот она я! Волшебница!

Музыка, свет, движение усиливается.

Первая кариатида *(глухим басом)*. Волшебница, поддерживаю!

Вторая кариатида. Поддерживаю, волшебница.

Бойбабченко. Да ты сядь, товарищ Гогенштауфен.

Кофейкина. Кресло, сюда! На-на-на!

Кресло вздрагивает.

Ну, живо!

Кресло подбегает сзади к Гогенштауфену. Ударяет его под колени. Гогенштауфен падает в кресло.

Посиди, ты волнуешься.

Гогенштауфен. Нет... Волнуешься... Это... опытом... опытом... не приучен.

Кофейкина. Воды!

Стол с графином подбегает к Гогенштауфену. Графин подымается в воздух и наливает воду в стакан. Стакан взлетает к губам Гогенштауфена. Гогенштауфен покорно пьет.

Бойбабченко. Я понимаю, товарищ Гогенштауфен, неудобно тебе... Мне самой, когда я узнала, кто она такая, тоже было нехорошо. Я к доктору побежала и ее с собой потянула. Кровь ее дала на экстренное исследование.

Гогенштауфен. Ну и что?

Бойбабченко. Ну и получила анализ. Красных у нее кровяных шариков столько-то, белых столько-то, еще много разного написано, а внизу диагноз стоит.

Гогенштауфен. Какой?

Бойбабченко. Волшебница.

Гогенштауфен. Так и написано?

Бойбабченко. Так. Я к главному профессору ходила. Он очки на лоб вздел, весь трясется: сам, говорит, удивляюсь, первый случай, говорит, в моей жизни, странно, говорит, но верно. Видишь! Против науки не пойдешь. Привыкла я! Это все очень просто. Никакого переносного смысла нету. Сказка и все. Привыкай.

Кофейкина. Скорей привыкай. Ты в опасности, друг! Упырева твой враг, чего-то готовит. Ты ей ненавистен.

Гогенштауфен. Почему?

Кофейкина. Мы кто?

Гогенштауфен. То есть?

Кофейкина. Что есть наше учреждение? Финансовая часть огромного строительства. К нам люди со всех сторон ездят сметы утверждать. Попадет к тебе человек, как ты его примешь?

Бойбабченко. Как бабушка родная примешь ты человека. Объяснишь, наставишь, а также проинструктируешь. Каждую часть строительства знаешь ты, как мать сына. Каждую родинку ты, бедный, чувствуешь. Каждую мелочь постигаешь. От тебя человек идет свежий, действительно, думает, центр думает!

Кофейкина. А к ней попадет – сразу обалдевает. Она его карболовым духом. Она его презрением. Она ему: вы у нас не один. Он думает: как же так, я строю, а она меня за человека не считает? Я ей, выходит, мешаю? Я ей покажу! Силу он тратит, кровь тратит – а ей того и нужно. Живую кровь потратить впустую. Мертвый класс. Вот.

Бойбабченко. А тут твой проект.

Кофейкина. Всю систему упрощает. Всю работу оживляет.

Бойбабченко. Этого она не простит!

Кофейкина. Она все сделает, чтоб тебя расслабить!

Гогенштауфен. Как расслабить?

Кофейкина. Размагнитить. И будет она, окаянная, по такой линии действовать, где ее труднее всего взять.

Гогенштауфен. По какой же это?

Кофейкина. По бытовой. Сплетней запутает, клеветой оплетет.

Бойбабченко. С Марусей разлучит, разлучница поганая.

Кофейкина. Ее только чудом и можно взять. Чудом и возьмем Упыреву-то.

Гогенштауфен. Ах, будь ты трижды рыжий!

Кофейкина. Только имей в виду, – ты экономист, ты меня поймешь, – все чудеса у меня по смете.

Гогенштауфен. По чему?

Кофейкина. По смете. Могу я в квартал совершить три чуда, три превращения, а также исполнить три любых твоих желания. Так и надо будет планировать! Мелкие чудеса, стул, например, позвать и прочее, – это, конечно, сверх сметы, на текущие расходы... Но капитальные чудеса – строго по смете.

Гогенштауфен. Фу-ты, черт. Ну, а кто она, Упырева-то, вредительница, что ли?

Кофейкина. Даже хуже.

Первая кариатида. Хуже, поддерживаю.

Вторая кариатида. Поддерживаю, хуже.

Гогенштауфен. Ах, будь ты... Фу-у!.. Мне даже жарко стало.

Кофейкина. Действительно, ночь жаркая, но мы откроем окошки. *(Дует по очереди на окна. Окна распахиваются.)* Диаграммы – кыш!

Диаграммы, висящие на стене в глубине сцены, скатываются в трубочки.

Кофейкина. Ну, Гогенштауфен, легче тебе?

Гогенштауфен. Как будто легче.

Бойбабченко. А я волнуюсь... Неудобно... Или даже, может быть, жутко... Ведь она и мне до поры не сказала, кто эта Упырева... Поступки сказала, а сущность...

Кофейкина. Увидишь! Сейчас увидишь. Сейчас оба увидите капитальное чудо. Чудо номер один. Приготовились?

Бойбабченко. Да.

Кофейкина *(смотрит на стену. Свистит).* Ф-р-р-р! Начали!

Стена постепенно становится прозрачной. За стеной – Упырева. Сидит одна за столом. Неподвижна, как манекен.

Кофейкина *(выдергивает из щетки палку. Водит палкой по Упыревой).* Видишь? Вот она. *(Тычет палкой.)* Упырева! Видишь, лицо какое?

Бойбабченко. Отрицательное!

Кофейкина. Вот именно. Вполне отрицательное. Обрати внимание – рот. Маленький, резко очерченный. Нешто это рот? Разве таким ртом можно разговаривать по-человечески? Нет. Да она и не разговаривает по-человечески. Она злобой набита, недоброжелательством полна. Она яды источает.

Бойбабченко. Гадюка она?

Кофейкина. Хуже. А теперь – взглядишь, взглядишь. Разве таким ртом можно есть по-человечески? Нельзя! Да она и не ест по-человечески.

Бойбабченко. На диете она?

Кофейкина. Хуже! А глаза? Разве они глядят? Они высматривают! Добычу они высматривают.

Бойбабченко. Вроде коршуна она?

Кофейкина. Хуже! А руки! Смотри, когти какие.

Бойбабченко. Красноватые.

Кофейкина. То-то и есть. А лобик. *(Стучит палкой.)* Слышишь звук?

Бойбабченко. Жуть!

Кофейкина. То-то и оно! Что говорит она? Что высматривает? Что когтит своими когтями? О чем думает змеиной своей головой?

Бойбабченко. О подлостях!

Кофейкина. О живом человеке. Появится на работе живой человек – горе ему, горе, горе! Высмотрит, выживет, живую кровь выпьет. Догадываешься, кто она? А, Гогенштауфен?

Гогенштауфен. Опытom... Опытom не приучен.

Кофейкина. А ты, Бойбабченко?

Бойбабченко. Бюрократка она!

Кофейкина. Хуже. Она их предвечная праматерь, или, по-русски говоря, шеф. Она враг всего живого, а сама питается живым. Она мертвого происхождения, а сама помирать никак не хочет. Она вечно в движении – зачем? Чтобы все движение навсегда остановить и в неподвижные формы отлить. Она смерти товарищ, тлению вечный друг.

Бойбабченко. Что же она, говори конкретно!

Кофейкина. Она – мертвый класс. Мертвый среди живых. А проще говоря – упырь!

Свист и шипение, похожие на змеиные. Свет меркнет. Окна захлопываются сами собой. Гаснет снова перегоревшая лампочка. Кариатиды постепенно тускнеют.

Первая кариатида. Поддер...

Вторая кариатида. ...живаем...

Гаснут.

Бойбабченко. Ну, спасибо! Это, матушка, обман, очковтирательство и все!

Кофейкина. В чем дело?

Бойбабченко. Ты же говорила – одна ты эта... сверхъестественная. А теперь, здравствуйте, тетя, – еще упырь! Это что же выходит? А? А говорила – все просто...

Кофейкина. Позволь... Волшебница, действительно, я одна. Добрая. А она злая. И не волшебница, а упырь. Она даже чудес не может совершать. Так, мелкие подлости и все... ясно?

Бойбабченко. Ну, это еще ничего... Только две, значит, вас? Ты добрая, она злая?

Кофейкина. Две. И много тысяч лет мы в бою. Она за мертвых, я за живых. Я – с побеждающими, она – с отживающими.

Бойбабченко. А может, есть ни злые, ни добрые? Эти... Волшебницы-упыри... Нейтральные?

Кофейкина. Нету таких.

Бойбабченко. А колеблющиеся? Перестраивающиеся?

Кофейкина. И таких нету.

Бойбабченко. Ну, хорошо, – хоть отчетливо! Валяй дальше, матушка!

Кофейкина. Ладно. Мертвый этот упырь притворяется у нас в учреждении из живых живейшим. Упыри, они же вурдалаки, иначе вампиры, как известно, кровью человеческой питаются. А наша вон что делает. Смотри! (*Свистит.*)

Упырева оживает. Достает из сумочки пузырек, из стола рюмочку. Капает. Пьет. Свисток. Упырева замирает.

Бойбабченко. Чего это она пила?

Кофейкина. Гематоген.

Бойбабченко. Чего, чего?

Кофейкина. Гематоген. Лекарственный препарат из крови завода врачебных заготовлений Наркомздрава. Днем препаратом живет, ну, а вечером она, правда, насасывается досыта. Вечером она совмещает. Служит лаборанткой в лаборатории, куда кровь на исследование дают. Ясно – она по крови специалистка. Она там часть исследует, часть выпьет. Часть исследует, часть выпьет. Вот. Все понятно?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.